

Е.В.Шашкова

«ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПРИГОТОВЛЕНЫ И ПРИГОТОВЛЕНЫ ЛИ К ЧЕМУ-НИБУДЬ?» (ПО СТРАНИЦАМ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ» И.И.ПАНАЕВА)

Статья посвящена периоду обучения одного из виднейших писателей XIX века, критика, публициста, редактора журнала «Современник» И.И.Панаева в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском университете. Годы обучения Панаева пали на правление Николая I. Годы, когда правительство относилось к науке уважительно, поддерживая материально, но зорко охраняя при этом от критической мысли существующий порядок. Через призму мемуаров Панаева рассмотрен кадровый состав преподавателей Благородного пансиона, их взаимодействие с учениками, особенности и итоги образовательной деятельности. Преподаватели читают давно устаревшие курсы, большинство из них не заинтересованы как-то увлечь обучаемых своим предметом. Основные понятия, которые развивает автор на страницах своих мемуаров — косность и рутина, нравственный и духовный тупик современного ему общества.

Ключевые слова: И.И.Панаев, Николай I, литература, Благородный пансион, образование, воспитание

«Литературные воспоминания» И.И.Панаева известного писателя XIX века, редактора журнала «Современник», появляются в периодической печати с 1860 по 1861 год. Первую главу своих мемуаров автор посвящает воспитанию и образованию. Панаев — выходец из родовитой дворянской семьи, в которой господствовали традиционные консервативные взгляды. Атмосфера барского дома, в которой рос Панаев, не могла не повлиять на формировавшееся в то время мировоззрение будущего писателя. «В двенадцать лет, несмотря на совершенное ребячество, я уже был глубоко проникнут чувством касты, сознанием своего дворянского достоинства», — признается автор «Воспоминаний» [1, с. 28].

Обращаясь к своему детству, автор рисует картину типическую: балованное дворянское дитя не могло находиться в Высшем училище, в которое он был помещен в 1824 году и пробыл только две недели. Предвзятости той среды, в которой взрос и воспитался будущий писатель натуральной школы, мешали ему учиться вместе с детьми разночинцев и ремесленников. Причем, как вспоминает мемуарист, мольбы его взять из Высшего училища «нашли не только совершенно основательными, но даже некоторые из близких людей рассказывали об этом своим знакомым с гордостью: “Дитя, а какие высокие чувства!...”» [1, с. 4]. 25 февраля 1825 года Панаев поступает в Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете, который оканчивает в июле 1830 г.

Годы обучения Панаева в Благородном пансионе пали на годы правления императора Николая I. Годы, когда правительство относилось к науке уважительно, поддерживая материально, но зорко охраняя при этом от критической мысли существующий порядок [2, с. 244].

С.-Петербургский Благородный пансион — закрытое учебное заведение для детей потомственных дворян — был открыт в 1817 году при Главном педагогическом институте, а с 1819 по 1830 гг. находился при Петербургском университете. «Эти *благородные* пансионы, — вспоминает Панаев, — существовали единственно только для детей привилегированного класса <...> Курс благородных пансионов едва ли был не ниже настоящего гимназического курса, а между тем эти пансионы пользовались равными с университетами привилегиями. Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких *неучей, как мы* — вопиющая несправедливость» [1, с. 4].

Д.Н.Соловьев в своей книге говорит о педагогах и воспитанниках Благородного пансиона, о них же упоминает и Панаев в своих воспоминаниях. Так, до Панаева Благородный пансион окончили С.А.Соболевский (1821), М.Глинка (1822), А.Я.Римский-Корсаков (1823), А.И.Подолинский (1824), А.Н.Струговщиков (1827); вместе с ним выпущены в июле 1830 г. М.А.Языков, С.Ф.Татищев, А.И.Павлов; после Панаева — А.А.Комаров (1831), С.Н.Дирин (1832) [3, с. 353]. По словам того же автора, «...с учебной стороны предположенный Благородный пансион должен был явиться учреждением в полном смысле энциклопедическим» [3, с. 4]. В программу курса входили: богословие, логика, нравственная философия, юриспруденция, математика, языковедение, естественные науки, статистика, история, науки военные, все искусства.

И в начале своей образовательной деятельности Благородный пансион был одним из ведущих учебных заведений. По своим правам он был приравнен к высшим учебным заведениям. «Благородный пансион, — по словам Н.В.Колышницкой, — в первые годы своего существования способствовал распространению просветительской идеологии, в его стенах выросла целая плеяда видных представителей русской культуры и искусства, формировались будущие чиновники государственного аппарата России, офицеры армии и флота» [4, с. 8].

Однако с января 1821 года в стенах Благородного пансиона начались беспорядки, что привело к пересмотру учебной программы и смене преподавательского состава. «В 1822 году из пансиона были уволены

многие прогрессивные преподаватели <...> Уровень преподавания в пансионе резко упал. <...> Так закончился первый этап существования Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете, давшем целую плеяду видных деятелей науки и искусства. В дальнейшем изменилась и система преподавания и внутренняя обстановка в пансионе» [4, с. 10].

«Литературные воспоминания» Панаева представляют нам яркую картину следующего этапа в образовательной жизни Пансиона: умственные способности обучающихся «нисколько не развивались; они, напротив, тупели, забытые рутиной. Бессмысленное заучивание наизусть, слово в слово по книге, было основой учения, и потому самые тупые ученики, но одаренные хорошою памятью, всегда выходили *первыми*» [1, с. 5]. При этом целью Пансиона было, во-первых, приготовить воспитанников к слушанию лекций в Главном педагогическом институте и др. университетах, а во-вторых, образовать их к гражданской службе. Пансион, как свидетельствует «Положение», «состоял под особенным покровительством Министра Просвещения и подчинялся Попечителю С.-Петербургского Учебного Округа» [3, с. 12].

Возможно, результатом такого образования стало так называемое «дело профессоров», приведшее к увольнению лучших преподавателей, обвиненных в вольнодумстве и «безбожии»; беспорядки, прошедшие в Благородном пансионе в 1821 году 18 января, организованные учениками 3-го класса с целью переменить учителя Ивана Пенинского, пришедшего на место любимого учителя словесности В.К.Кюхельбекера [6]. Исследователь Е.М.Косачевская считает, что «бунт» явился продолжением беспорядков, прокатившихся по дворянским учебным заведениям: «заговор в Конюшенном училище против начальства», бунт кадетов Пажеского корпуса в 1818 году, беспорядки в Царскосельском лицее в 1819 году по части учебной и нравственной, «бунт» Семеновского полка в октябре 1820 года [7].

В преподавательский состав Благородного пансиона во времена обучения Панаева входили институтские ученые чиновники, в обязанности которых входило преподавать лекции в Пансионе. Помимо них Пансион имел особых учителей, определяемых Правлением с утверждения Попечителя, о которых Панаев в своих «Воспоминаниях» отзывался, прямо скажем, неблагоприятно: «Пошлость, тупоумие и разные нелепые выходки наших наставников заставили нас смотреть на них как на шутов и забавляться их смешными и слабыми сторонами <...> К таким наставникам мы не могли питать уважения; к тому же их рутинное, пошлое, устарелое преподавание по самым жалким курсам не могло не только заохотить нас к ученью, но просто отвращало нас от этой мертвой науки — и мы принуждали себя учиться только для того, чтобы получить известный класс...» [8, с. 29]. Эта общая характеристика преподавательского состава подтверждается автором конкретными примерами.

Так, первым, на кого падает гнев Панаева-мемуариста, был учитель латинского языка, отличавшийся крайней неблаговоспитанностью, пока дело не касалось *приватных уроков* перед экзаменом: «Ученик отдавал ему деньги. Учитель являлся на первый урок, объявлял ему то, что именно он спросит его на экзамене, и затем уже более не являлся на остальные пять уроков, отговариваясь неимением времени или болезнью» [1, с. 5].

Следующими объектами сатиры становятся строгий экзаменатор, профессор математики Д.С.Чижов и профессор истории Т.О.Рогов, «вяло преподававший историю по учебнику Кайданова» и бравший со своих учеников подписку на свой курс истории, оправдываясь тем, «что этот курс у него совсем готов, стоит только приступить к печатанию» [1, с. 6]. Из комментариев И.Г.Ямпольского к «Литературным воспоминаниям» Панаева мы узнаем, что «еще в 1818 году Рогову было поручено написать курс истории <...> В течение ряда лет он отделялся всякими отговорками и обещаниями», а через десять лет заявил, «что причиной замедления работы являются “новые мнения об истории, коими наполнены нынешние журналы иностранные и наши отечественные”» [1, с. 354]. Впечатления Панаева о преподавателе мало расходились с мнением его современников. Так, академик Н.Г.Устрялов, слушавший лекции Рогова в университете писал в своих «Воспоминаниях»: «Человек бездарный, в высшей степени робкий, охотник до картежной игры, засыпавший не раз на кафедре после бессонно проведенной ночи» [9, с. 609-610].

Еще забавнее звучит отзыв Панаева о преподавателе математики К.А.Шелейховском: «Шелейховский был поэт. Рассеянный, бледный, вечно с взъерошенными волосами, он часто останавливался среди своих вычислений, бросал с негодованием мел, отходил от доски и восклицал тоненьким певучим голосом:

— Мне эта сущь надоела, господа!.. Что вам задал к переводу латинский учитель? — Дайте я вам переведу. <...> Ученики, разумеется, с радостью исполняли его желание, и он тут же принимался переводить, забывая о своей математике» [1, с. 6].

И Панаев не обманывает. Отзыв его однокашника С.С.Шилова аналогичен: Шелейховский отличался «большою рассеянностью и замечательным добросердечием, которое значительно мешало успеху дела; большую часть времени на уроке он проводил в исправлении латинских письменных работ воспитанников, о чем эти последние с постоянными просьбами обращались к нему, чтобы избежать необходимости отвечать по его собственному предмету» [3, с. 361, 369]. Хотя, по отзыву профессора математики Д.С.Чижова, К.А.Шелейховский был «отменно знающим свое дело преподавателем» [3, с. 90], пока дело не доходило до экзамена, результат которого заставлял преподавателя хвататься за голову и кричать отчаянным голосом: «Боже мой! Да чем же я виноват? Что мне с ними делать?..» [1, с. 24].

Больше всех подвергался оскорблениям воспитанников преподаватель прав г. Анненский. «Маленький, худенький господин, с черными масляными глазками и с хохолком наперед, очень смешно пришепетывавший <...> Его никто никогда не слушал. Во время его классов разговаривали, кричали, играли под столом в орлянку

и в карты, а иногда целые скамейки двигались на него, образовывали около него каре и теснили его к стенке. Он сердился, плакал, выбегал из класса и второпях опускал ноги в галоши, не замечая, что они налиты квасом», — вспоминает Панаев [1, с. 6].

И только учитель российской словесности В.И.Кречетов пользовался из всех учителей «некоторою любовью и вниманием воспитанников за свой смелый и свободный образ мыслей» [1, с. 7]. Отметим, что именно в пансионе развилась у Панаева страсть к чтению и литературе: «Я с жадностью и приятным трепетом перечитывал все тогдашние альманахи, особенно “Северные цветы”; романы Вальтера Скотта; главы “Онегина” <...> и некоторые статьи в “Московском телеграфе”...» [1, с. 34]. Молодой Панаев пробует сам сочинять (рассказ «Бельский», стихотворение «Кокетка» 1828), в последних трех классах издает рукописный журнал, подражая в форме «Московскому телеграфу». Именно Кречетов поспособствовал пробуждению интереса юного Панаева к литературным занятиям. Под его влиянием и сформировались взгляды Панаева на искусство в целом. Отметив литературное дарование своего ученика еще в пансионе, Кречетов и в дальнейшем не терял с ним связи, просматривая его первые сочинения. «Кречетов сделался для меня привычкою, необходимою, я постоянно прочитывал ему все мои новые сочинения, он держал их корректуры <...> и вообще принимал живое участие в моих литературных делах» [1, с. 89]. И Кречетов не ошибся, Панаев действительно в скором времени заставил обратить на себя внимание критики. По словам Н.Б.Алдоной, «в 1837—1839 годы Панаев был уже известным писателем, входившим в круг петербургских литераторов» [10, с. 154].

Кречетов явился продолжателем литературных традиций Благородного пансиона вслед за В.К.Кюхельбекером, о котором упоминает в своих воспоминаниях Н.А.Маркевич [11, с. 153; 12, с. 9-10].

«Учитель российской словесности Кречетов поддерживал связи и знакомства почти со всеми кончившими курс в пансионе и имевшими поползновение к литературе или к каким-либо искусствам вообще. К числу таких его бывших воспитанников, сделавшихся потом его приятелями, принадлежал <...> *Римский-Корсаков*, напечатавший в конце двадцатых годов несколько стихов и сделавшийся известным своей эпиграммой к плохому стихотворцу» [1, с. 15]:

Его стихи для уха сладки,
В твореньях малых и больших;
Они, как пол лощеный, гладки:
На мысли не споткнешься в них.

(1828)

На стихи русского поэта А.Я.Римского-Корсакова композитор М.И.Глинка позднее написал несколько романсов. Их знакомству опять же поспособствовал учитель Кречетов.

Сатирические четверостишия рождались из-под пера будущих известных эпиграммистов еще в стенах Благородного пансиона. Так С.А.Соболевский [13, с. 407-408] написал, будучи в пансионе, на своего учителя логики И.А.Колмакова следующее четверостишие:

Наш учитель Колмаков
Умножает дураков;
Он жилет свой поправляет
И глазами все моргает.
Однако находчивый учитель не растерялся и на эти строки ответил следующим:
«Неверно! Следует сказать:

Наш учитель Колмаков

Обучает дураков...» [1, с. 19]

Подобное четверостишие встречаем и в «Записках» М.И.Глинки:

Подъинспектор Колмаков

Умножает дураков;

Он глазами все моргает

И жилет свой поправляет [14, с. 24]

Будущий композитор положил эту эпиграмму на музыку Кавоса. «Сей исторический кант певали мы в пансионе во время обеда и ужина», — вспоминает М.И.Глинка [14, с. 24].

Учитель словесности Кречетов еще больше был оценен воспитанниками Благородного пансиона в выпускном классе, когда курс российской словесности стал преподавать известный профессор Я.В.Толмачев, питавший, по слова Панаева, «закоренелую ненависть ко всему живому и современному» [1, с. 11]. «Я, друзья мои, — говорил он нам с чувством гордости, — тридцать уже лет ничего не читаю, потому что убежден, что теперь пишут все пустяки» [1, с. 11]. Стоит отметить, что профессор словесности Я.В.Толмачев до 1823 (сразу после студенческих беспорядков 1821 года) исполнял обязанности инспектора пансиона [15].

Заканчивая первую главу своих «Воспоминаний», а вместе с ними и воспоминания о беззаботном детстве, юношестве, проведенном в стенах Благородного пансиона, Панаев, не без горечи, подытоживает: «И вот мы окончили курс наук. В руках у нас великолепные пергаментные листы с правами на чины и с удостоверениями, что мы во всех науках имеем *отличные, очень хорошие* или *достаточные* сведения и притом отличались примерным благонаравием. Начальство пожимает с чувством наши руки и поздравляет нас, родители прижимают нас к груди в умилении, мы, разумеется, вне себя от восторга, что уже не школьники. Но

ни начальству, ни родителям, ни нам не приходит в голову, для чего мы приготовлены и приготовлены ли к чему-нибудь?.. <...> в нас не только не развили мыслительных способностей, но и забили их пошлостью моралью и рутиной. Мы не приобрели никаких, даже элементарных научных сведений. <...> При нашем невежестве и отсутствии умственного развития мы принимаем все на веру <...> Нечего говорить о чувстве общественном, гражданском. О пробуждении его едва ли и думало тогдашнее воспитание. Чинопочитание, покорность до того были вкоренены в нас в родительских домах и потом развиты в пансионе, что мы, вступая в свет, совершенно теряемся и робеем при появлении каждой титулованной особы и при взгляде на всякую блестящую обстановку. При этом у нас только возникает одна мысль: “как бы поскорей добиться до всего этого?” Вот каких полезных деятелей приготовлял для отечества благородный пансион!» [1, с. 27].

Результатом такого образования (помимо беспорядков 1821 года), возможно, стала политика в области просвещения Николая I. Одной из причин упущения учебного процесса мог стать и переезд Благородного пансиона в другое здание, о котором говорит Н.В.Дубровская в своей работе. До октября 1821 года Санкт-Петербургский Благородный пансион находился на Фонтанке, в доме надворного советника Отто. С этого времени, по словам Дубровской, «начинается подготовка к переезду в новое здание <...> создается Строительный комитет, который должен был осуществить масштабный проект перемещения всего университета к Семеновским казармам <...> Благородный пансион занимал часть здания, предназначенного для университета, выходящего к Семеновскому полку. Но это было временное пристанище, так как для пансионеров было решено построить три отдельных двухэтажных здания, выходящих на Ивановскую улицу» [5, с. 55-56].

В любом случае основные понятия, которые развивает автор на страницах своих мемуаров — косность и рутина. Преподаватели читают давно устаревшие курсы, большинство из них нисколько не заинтересованы как-то увлечь обучаемых своим предметом, единственный вид обучения — зубрежка. Это, на наш взгляд, еще и порождение сложившегося уклада. Отсюда характеристики и изображение Панаевым дальнейших судеб воспитанников Благородного пансиона: кто не задумываясь покорно зубрит (ничего не понимая) — того и ждет удачная карьера.

Стоит отметить, что в воспоминаниях о Благородном пансионе у Панаева появляется весьма своеобразное «мы»: писатель не отделяет себя от своего поколения, иллюстрируя пороки и заблуждения, общие для многих. Но это «мы» еще шире: это указание на уклад, которым жило все общество, вся страна. Таким образом, Панаев изображает нравственный и духовный тупик. Внутри этого общества нет деятелей, нет сил, способных указать иную дорогу, которая могла бы вывести из порочного круга косности и рутины.

1. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 472.
2. Полиевктов М.А. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918. С. 244.
3. Соловьев Д.Н. Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии, 1830—1880. М., 2012. 432 с.
4. Колышницына Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: воспитатели и воспитанники [Электр. ресурс]. URL: https://lermontovka-spb.ru/m/колом_чт_2011_колышницына_н.в..doc (дата обращения: 20.01.2023).
5. Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: организационная структура и повседневная жизнь. 1817—1830 гг. СПб., 2017. 97 с.
6. Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817—1830 гг.): организационная структура и повседневная жизнь // Клио. 2017. № 10(130). С. 57-63.
7. Косачевская Е.М. Н.А.Маркевич. 1804—1860. Л., 1987. 285 с.
8. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 29.
9. Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 609-610.
10. Алдонова Н.Б. И.И.Панаев — рецензент «Современника» // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Т. 13. С. 154.
11. Маркевич Н.А. Из воспоминаний // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. С. 153.
12. Канн-Новикова Е.М. М.И.Глинка: новые материалы и документы. М., 1951. С. 9-10.
13. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 407-408.
14. Глинка М.И. Записки / Под. ред. А.Н.Римского-Корсакова. М., 2019. С. 24.
15. Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 699-724.

References

1. Panaev I.I. Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moscow, 1950, p. 472.
2. Polievktov M.A. Nikolay I: biografiya i obzor tsarstvovaniya [Nicholas I: biography and review of the reign]. Moscow, 1918, p. 244.
3. Solov'ev D.N. Pyatidesyatiletie S.-Peterburgskoy Pervoy gimnazii, 1830—1880 [Fiftieth anniversary of the St. Petersburg First Gymnasium]. Moscow, 2012. 432 p.
4. Kolyshnitsyna N.V. Blagorodnyy pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete: vospitateli i vospitanniki [The Noble Boarding School at St. Petersburg State University: educators and pupils]. Available at: https://lermontovka-spb.ru/m/колом_чт_2011_колышницына_н.в..doc (accessed: 20.01.2023).
5. Dubrovskaya N.V. Blagorodnyy pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete: organizatsionnaya struktura i povsednevnyaya zhizn' [The Noble Boarding School at St. Petersburg State University: organizational structure and daily life]. 1817—1830 gg. St. Petersburg, 2017. 97 p.
6. Zhukovskaya T.N., Dubrovskaya N.V. Blagorodnyy pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete (1817—1830 gg.): organizatsionnaya struktura i povsednevnyaya zhizn' [The Noble Boarding School at St. Petersburg State University (1817—1830): organizational structure and daily life]. Klio, 2017, no. 10(130), pp. 57-63.
7. Kosachevskaya E.M. N.A.Markevich. 1804—1860. Leningrad, 1987. 285 p.
8. Panaev I.I. Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moscow, 1988, p. 29.

9. Ustryalov N.G. Vospominaniya o moyey zhizni [Memories of my life]. Drevnyaya i novaya Rossiya, 1880, no. 8, pp. 609-610.
10. Aldonina N.B. I.I.Panaev — retsenzent “Sovremennika” [I.I.Panaev — reviewer of Sovremennik]. Nekrasovskiy sbornik. St. Petersburg, 2001. Vol. 13, p. 154.
11. Markevich N.A. Iz vospominaniy [From the memoirs]. In: A.S.Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov. Moscow, 1985, p. 153.
12. Kann-Novikova E.M. M.I.Glinka: novye materialy i dokumenty [M.I.Glinka: new materials and documents]. Moscow, 1951, pp. 9-10.
13. Chereyskiy L.A. Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and his entourage]. Leningrad, 1988, pp. 407-408.
14. Glinka M.I. Zapiski [Notes]. Moscow, 2019, p. 24.
15. Tolmachev Ya.V. Avtobiograficheskaya zapiska [Autobiographical note]. Russkaya starina, 1892, vol. 75, pp. 699-724.

Shashkova E.V. “What are we prepared for and are we prepared for anything?” (According to the pages of I.I.Panaev’s “Literary memoirs”). The article is devoted to the period of study of one of the most prominent writers of the 19th century, critic, publicist, editor of the “Sovremennik” magazine I.I.Panaev in a Noble boarding school at St. Petersburg University. Panayev’s years of study fell on the reign of Nicholas I. The years when the government treated science respectfully, supporting financially, but vigilantly guarding the existing order from critical thought. Through the prism of Panayev’s memoirs, the staff of the Noble Boarding School teachers, their interaction with students, features and results of educational activities are considered. Teachers read outdated courses for a long time, most of them were not interested in somehow captivating students with their subject. The main concepts that the author develops on the pages of his memoirs are inertia and routine, the moral and spiritual impasse of modern society.

Keywords: I.I.Panaev, Nicholas I, literature, Boarding School for the Nobility, education, upbringing.

Сведения об авторе. Екатерина Владимировна Шашкова — кандидат филологических наук; преподаватель СПб ГБ ПОУ «Техникум “Приморский”» (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0002-7196-4515; Schaschkowa-E-W@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Шашкова Е.В. «Для чего мы приготовлены и приготовлены ли к чему-нибудь?» (по страницам «Литературных воспоминаний» И.И.Панаева) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 250-254. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).250-254

For citation: Shashkova E.V. “What are we prepared for and are we prepared for anything?” (According to the pages of I.I.Panaev’s “Literary memoirs”). Memoirs of NovSU, 2023, no. 3(48), pp. 250-254. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).250-254